

РОЛЬ ФОТОГРАФИИ В СТАНОВЛЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ ОБРАЗА

А. А. Китаев*

Некоторое время назад на страницах отечественной прессы с завидным постоянством звучало узаконенное государством словосочетание: «Деятели в области литературы и искусства». Это клише неизбежно вызывало во мне недоумение. Т. е. получалось так, что есть искусства — музыка, архитектура, живопись, скульптура... , а есть как бы супер, сверх искусство — литература. Очевидно, что такая формула могла родиться только в пору всеобщей грамотности, когда медийная составляющая литературы в форме складывания букв для считывания или посылка «прямой» информации, то бишь письма и чтения, стала всеобщим достоянием. И в самом деле, ведь элементарные литературные навыки обретаются каждым гражданином уже в начальной школе и там же происходит обязательное всеобщее знакомство с историей литературы в виде изучения классического наследия. Не то с искусством. Ему надо учиться отдельно и специально, но даже это не гарантирует обретения звания художника. Вероятно отсюда и выведение литературы в отдельный статусный корпус.

В 1918 году в Петрограде Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский учредил Высший институт фотографии. В своей речи, при открытии обучающих программ, он произнёс провидческие слова: «как каждый образованный человек обязан иметь часы, так он должен уметь владеть карандашом и фотографической камерой. И это со временем будет».¹ Прогноз сбылся настолько, что пора придавать фотографии статус сверхискусства. В смысле тотального владения азами. Правда теперь просвещённое человечество всё больше складывает не буквы а цифры. Вот только образованность в

---

*Китаев Александр Александрович, ведущий фотограф Санкт-Петербурга, историк фотографии, куратор.

¹Цит. по: А. В. Луначарский и фотография // Фотограф 1926 № 3–4. С. 6.

области искусства фотографии по-прежнему редко превышает умение владеть часами.

История фотографии в сравнении с историей философии ничтожна по времени. Но если философия, за своей полной практической никчёмностью так и осталась уделом избранных, то фотография — и сегодня мы это можем уверенно констатировать — настолько захватила умы и руки человечества, пусть и благодаря своим прикладным, утилитарным применениям, что философы уже не вправе умыть руки и делать вид, что ничего существенного в цивилизации образа не происходит. Фотографические иконы захватили всё видимое и даже невидимое — как, например, снимки обратной стороны Луны или снимки содержимого наших тел и сумок. Думаю, такое положение вещей долго сохраняться не будет. Так же как наиболее цивилизованные люди с отвращением отказываются от дитя фотографии телевидения, так же вскоре будут отказываться от вооруженного фотоаппаратом глаза ради чистого наслаждения от созерцания окружающего нас мира.

Между тем, голосов в которых звучала бы хоть какая-то тревога по поводу экспансии фотографии практически не слышно. С середины XIX века мировая пресса полна преимущественно восторженных материалов об успехах и достижениях светописы. Большую редкость, просто из ряда вон, оказываются тексты *против* фотографии. Один из таких редких текстов был опубликован в 1887 году в мартовской тетрадке выходившего в Санкт-Петербурге журнала «Фотографический вестник». Статья так и называется «Против фотографии» и представляет собой перепечатку «из одной американской газеты» без указания автора.² Текст статьи носит, конечно, несколько саркастический характер, но меня несказанно удивило то обстоятельство в ней уже в XIX веке был затронут целый ряд философских и этических проблем, возникших с появлением вооруженного фотоаппаратом человека. Проблем, не потерявших актуальность и в наши дни. Предлагаю вашему вниманию эту статью.

Самая глупая страсть и самая причудливая мода, как, например, катание на коньках с колёсиками представляет хоть ту хорошую сторону, что никто не принуждён пре-

---

²Против фотографии // Фотографический вестник. 1887, № 3. С. 62–63.

терпевать нападения её приверженцев. Если вам такая обувь не нравится, то вам нечего опасаться, что бы какой-нибудь страстный любитель надел вам на ноги коньки. С фотографами дело совсем другое. Все лица, вооружившиеся броможелатиновой эмульсией, по-видимому, считают себя полновластными и позволяют себе невероятные вольности так, что можно было бы предполагать, будто им принадлежит вся земля и у них солнце в закладе. Всё живое и безжизненное, всё ползающее и бегающее — решительно всё завладевается ими с самодовольством, оскорбляющим и добрые нравы и конституцию. Со времени открытия мгновенных съёмок дерзость этих людей возросла невероятно.

Лет сорок тому назад дагерротипист был таким же мирным гражданином при выполнении своего дела, каким только может быть могильщик и дантист. В те времена в Америке всякий полагал, что физиономия его принадлежит ему так же неоспоримо, как и зубная щётка. Тогда всякому так же впадало на мысль обнять первую встреченную даму, как и снять с неё портрет без её дозволения.

Но, как говорят французы: «*Nous avons change tout cela!*» Мы всё это изменили. Теперь вы не можете ударить негра, помочь даме перейти лужу или положить слепому нищему в шляпу камешек вместо денег, не подвергаясь опасности, чтобы такой поступок не был увековечен для потомства, благодаря мгновенным съёмкам, и его изображение не попало на следующий день во все витрины.

Вчера одна милая особа споткнулась и поскользнулась, а я с готовностью взял её за руку, чтобы поддержать её, как вдруг мне послышалось щёлканье. Мой портрет, наши портреты были сделаны и на наших глазах бежал фотограф, как аист унося с собой свой прибор с лживыми пластинками. Да, лживыми! действительно, в настоящем случае я поддержал маленькую ручку из одной вежливости, а на коварной пластинке я имел вид будто целый день держу эту лапочку, которая ведь мне не принадлежит.

Против этих негодяев я знаю только одно средство: бросать кирпичом в их камеру, как скоро появится подозрение, что с меня коварно снят портрет. Если я и не буду вполне уверен в виновности фотографа, то такие пустяки меня не удержат: в случае сомнения всегда надо пользоваться камнем и не жалеть камеры.

О, эти фотографии! Если их нельзя совершенно стереть с лица земного, отчего бы не обязать их по крайней мере носить шапку с номером, колокольчик на шее, как коровы, или другой знак предостережения.

Опубликовав процитированный текст бесценный редактор журнала Павел Матвеевич Ольхин присовокупил к нему удивительное резюме: «Кстати заметим, что преступления вроде описанных очень удобно совершаются поджилетными камерами Штирна, поступившими в продажу и в России». Впрочем, чему ж тут удивляться — журнал издавался на деньги владельца крупнейшей в России фабрики и оптового склада фотографических принадлежностей Бруно Фёдоровича Зенгера, жизненно заинтересованного в сбыте фототоваров.

Так что как бы мы не говорили по поводу медиа, суть происходящего на Земле остаётся неизменной: Бог своё, а чёрт своё.